

Илюмин
Мейерхольд - О.В.

23/8/90

Четверг, 23 августа 1990 года

«Вечерняя Москва»

1990 - 23 авг.

Размышления критика накануне театрального сезона

ЕСЛИ бы пять лет назад кто-то сказал, что наступит время, когда каждый театр сможет делать все, что ему вздумается, его сочли бы безумным. Но вот сегодня день такой наступил. Театры самостоятельно выбирают пьесы, режиссеры (и даже главные!). Строят планы, определяют количество и даты премьер.

Некоторые пошли еще дальше: пригласили в штат литературной части критиков. Далеко не все они, правда, оказались неистовыми: но, с другой стороны, нужно ли нам столько Белинских?! Они сами подбирают репертуар. И сами же его оценивают в нашей свободной от цензуры и предрассудков печати. Это создает, согласится, дополнительные удобства, избавляя театр и общество от противоречивости в суждениях, что приводит к завидному единomyслию. Так, к примеру, недавно со страниц многоуважаемой «Литературной газеты» все узнали объективное, беспристрастное мнение Б. Любимова о спектакле «И аз воздам...» в Малом театре, где именно он и трудится в качестве заглавного.

О ВРЕМЕНА, о нравы!.. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы театры снова оказались в кабальной зависимости от всевозможных ведомств и учреждений. Чтобы не только новые, но и классические сочинения включались в репертуар исключительно с высочайшего благословения лиц, которые часто понятия не имели о существовании таких произведений и даже таких авторов до того, как Ему или Ей от имени государства вручались бразды правления искусством.

Ну а если, несмотря на бдительность властей предрешающих, все же случались промахи и время от времени то здесь, то там изредка просачивалась крамола, на помощь призываются «надежные» критики или, на худой конец, зрители. От имени всего советского народа они не одобряли и требовали похлестать копей безобразиям Вс. Мейерхольда, А. Таирова, Н. Охлопкова, А. Лобанова, а позже Г. Товстоногова, А. Фросса, В. Плещека, А. Варлаховского, О. Ефремова, Ю. Любимова, Б. Львова-Анохина, М. Захарова...

Кстати, призывы эти не канули в Лету, но охотно публиковались, а затем неукоснительно исполнялись. И чем нелепее были обвинения, тем оперативнее «принимались меры». Исчезали люди, спектакли, а иногда и целые театры: МХАТ-2, ГОСТИМ, Реалистический, Камерный, ГОСЕТ...

Сегодня, повторяю, каждый волен делать все, что пожелает, в том числе и критик. С одной стороны, теперь он не должен больше опасаться за собственное благополучие. С

другой, может не беспокоиться об оргвыводах и для театра. Потому что слово «плюрализм» из ругательного вдруг превратилось в обыкновенное, родное, хотя не все еще толком знают, как оно точно пишется и произносится, а главное, что означает.

Но... Плюрализм хорош не сам по себе, а лишь, при условии, что общество научится пользоваться им себе же во благо. Если же вопреки здравому смыслу начать андердрать его в среде глухих и к тому же слепых, рассчитывать на успех не приходится. Потому как одни говорят и

критические выступления, к счастью, больше не воспринимаются директивно, необходимо овладеть принципиально новым мышлением, умением не просто слышать, но и слу-

можно. Нужны какие-то другие меры, может быть, и менее театрально, но зато более эффективные.

Тревогу вызывает и судьба Малого театра. Дело вовсе не в затянутаемся ремонте Дома Щепкина и Островского, как думают его руководители, а в самих спектаклях, огорчающих своей безликостью, в оскудении труппы, потерявшей за последние годы по разным причинам выдающихся мастеров, в отсутствии талантливых режиссеров, которые уходят отсюда, не найдя общего языка с теми, кто фактически правит бал.

ВО ВРЕМЯ

даже пишут, а другие и в ус себе не дуют по принципу: собака лает — ветер носит.

ГОВОРЯТ: театр пребывает в кризисе потому, что и общество, как вдруг выяснилось, больше не процветает. Что верно, то верно: особых радостей маловато, зато тревожных вестей хватает. И все же то там, то здесь случаются прорывы, своеобразные счастливые выбросы. И тогда мы видим «Павла I» в ЦАТСа, «Поминальную молитву» в «Ленком», «Крутой маршрут» в «Современнике», «Холопы» в Малом, «Калигулу» в Театре имени Моссавета и понимаем: живи курилка!

Беспокоит не то, что выдающиеся спектакли появляются слишком редко: их никогда не было навало! Но что процветает и самоутверждается посредственность, часто достаточно агрессивная, наглая, плюющаяся на все и на всех и внутри театра и во вне. Создается ситуация, аналогичная той, что увековечил в своем рассказе Василий Макарович Шукшин. Помните, как вся очередь грудью встала на защиту хамки и воровки за прилавком против единственного покупателя, что не пожелал мириться с унижением человеческого достоинства. Задкое своеобразие проявления плюрализма еще в доперестроечное застойное время.

Посмотрите, что происходит в Художественном театре. И в том, что объявил себя имени Чехова. И в том, что остался под именем Горького. Если сказать односложно: кошмар! Да, конечно, есть отдельные удачные, интересные приобретения, но в целом картина вырисовывается страшноватая с той лишь разницей, что ефремовский МХАТ в лучших традициях остается недостижимым для критики, тогда как доронинский не бранят разве что в «Гудке».

Но ведь чтобы что-то двинулось с места в новых условиях, когда

Театры Москвы
и др.

шат, думать, сопоставлять, самостоятельно делать выводы, не подозревая всех в злобостоянии, придирчивости, интригах и кознях.

РАЗДЕЛЕНИЕ МХАТА создало опасный прецедент, и вот уже оформлено официальное разделение Театра имени М. Н. Ермоловой. Одним будет руководить В. Андреев, другим — В. Фокин. Похоже, именно этим они и будут отличаться друг от друга, если не считать еще казино и культурно-гостиничного комплекса высшего класса, которые якобы появляются в недрах фокинских труппы. Интересно, какие художественные, а не только валютные идеи сможет противопоставить им другая группа?

Если эпидемия подобных разделов получит дальнейшее развитие, число театров в Москве вскоре может удвоиться или даже утроиться, но выиграет ли от этого само дело — весьма сомнительно. Тем более, что здания учреждений культуры катастрофически ветшают, новые не строятся и решить серьезные проблемы с помощью пятиминутных забастовок, на мой взгляд, невоз-

можно уже не однажды проходили этот путь, когда во главе театров в качестве директоров или худруков оказывались первые персонажи. Из всех сил они пытались исполнить подобные роли, зачастую не обладая для этого никакими способностями и навыками. Ни разу подобные начинания никого не доводили до добра, в том числе и самих кайфов на час. Правда, какое-то время народ действительно безмолствовал, тем более, что жирные куски с барского стола на время затыкали рты наиболее словосохотливым. Но в конце концов объявлялся андерсеновский мальчик и все становилось на свои места...

НЕСКОЛЬКО лет назад Театр имени Евг. Вахтангова, доведенный до отчаяния, единогласно избрал своим руководителем М. Ульянова, который вовсе к этому не стремился. Актёр милостью Божьей, принимая на себя тяжелую ношу, объявил, что впредь отказывается от режиссерских опытов, и слово свое сдержал. Вскоре М. Ульянов пригласил на постановку известных режиссеров. Но стали ли их работы событиями хотя бы в театральной жизни, не говоря уже об общественной? Конечно, спектакли эти не могут идти ни в какое сравнение с «Сезоном охоты» или «Енисейскими встречами», но ведь такие «шедевры» появляются раз в сто лет, и то не повсюду. Зачем же на них развешать? Давайте лучше вспомним «Нити», «Сирано де Бержерака», «Перед заходом солнца», «Филумену Мартурано», «Иркутскую историю», «Варшавскую мелодию», «Западню» — да мало ли их было — счастливых вечеров, что все мы пережили в этом дорогом для многих не только на Арбате театре!..

Четвертый год МТЮЗ возглавляет, безусловно, одаренная Г. Яновская. Одна беда: не любит она детский театр. Отчего даже андерсе-

новского «Соловья» и маршакковского «Мистера Твистера» поставила не для малышей, а для подростков и взрослых, ссылаясь на акселерацию, которая действительно имеет место быть. Но не до такой же все-таки степени, чтобы пятилетние дети смотрели «Собаке сердце» М. Булгакова и «Записки из подполья» Ф. Достоевского; слушали стихи О. Мандельштама, М. Цветаевой, Б. Пастернака, А. Ахматовой, ассоциируя их непростые судьбы с судьбой андерсеновского соловья. Из двух детских театров в 10-миллионном городе один явочным порядком оказался по существу отлучен от ребят, хотя и продолжает получать баснословную дотацию именно как детский театр.

Интересная деталь: в конце сезона московская секция театральных критиков СТА РСФСР с помощью анкет решила выявить не просто лучший спектакль года, но поощрить работу, в которой проявились оригинальные художественные мысли. И что же? Спектакль «Гуд бай, Америка!» («Мистер Твистер») неожиданно занял первое место... конца. Из 88 критиков его решились отметить лишь четверо. А шуму-то было!

РАЗУМЕЕТСЯ, заметки эти не претендуют на всеобщий охват театральной жизни столицы. В них нет анализа отдельных работ, да и не все коллективы здесь даже упомянуты, хотя давно пора, к примеру, внимательно рассмотреть ситуацию, сложившуюся в Большом театре, и вовсе не в связи с «разгрузочными» днями членов парткома.

Моя задача была куда скромнее: сообща подумать, как жить дальше. Ведь сейчас многие театры уподобились детям, чьи родители прежде постоянно держали сладкое под надежными замками. Но сегодня, когда все запреты сняты, как уберечь несмышляющей от опасности обжесты вареньем?

И последнее. Возможность и вседозволенность — вовсе не синонимы. Я помню, какие митарства испытывали многие художники в недавние времена. Сам не раз был то свидетелем. И все же, и все же... мне думается, мы унижаем не наших вчерашних оппонентов, но себя, когда сводим счеты с мертвыми, пересказывая сплетни о том, кто, с кем и где пил горькую, тем более, если воспоминания эти касаются женщины и принадлежит мужчине.

Давайте спорить по существу и лучше всего с помощью самого Искусства, которому сегодня никто и ничто не мешает, если, конечно, нам есть еще что сказать.

А то и в самом деле получается какой-то пир во время чумы — и только...

Б. ПОЮРОВСКИЙ.